

УДК 070:316

ФОБИИ В ЗЕРКАЛЕ ТЕЛЕЭКРАНА: НОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

С.Н. Ильченко

Аннотация

В статье рассматривается проблема негативного воздействия эфирного контента отечественного телевидения на его аудиторию. Сделано предположение о том, что особенности освещения событий отрицательного характера в различных телепрограммах отражают те фобии, которыми отмечено сознание аудитории. Исследуются основные информационные тренды, связанные с событиями криминально-сексуального характера, имевшими место в российской реальности. Статья содержит вывод о диалектической взаимосвязи зрительских фобий с экранной реальностью, которая, в свою очередь, свидетельствует о трансформации современного российского социума от «общества безопасности» к «обществу риска».

Ключевые слова: телевидение, контент, фобии, реальность, отрицательные события.

Тридцать пять лет назад легендарный немецкий кинорежиссер Райнер Вернер Фассбиндер поставил фильм «Страх съедает душу». Тогда состояние растерянности и неуверенности, отраженное в поступках героев картины, относилось исключительно к обстоятельствам существования людей в западном обществе. Но еще задолго до него Александр Пушкин в статье «О народной драме и драме “Марфа Посадница”» (1830) удивительным образом предсказал: «Страх, смех и грусть – вот суть три струны нашего воображения, потрясаемые драматическим искусством». Прошло время, и теперь совсем не требуется отделять наши фобии и страхи от тех фобий, которые вторгаются в жизнь, в сознание аудитории посредством восприятия соответствующего аудиовизуального контента. ТАМ и ТОГДА переставали существовать сепаратно от ЗДЕСЬ и СЕЙЧАС. Они слились в едином хронотопе нового информационного пространства.

Свою лепту в создание атмосферы неуверенности, всякого рода эсхатологических ожиданий читателей, слушателей и зрителей внесли многие СМИ и отдельно взятые журналисты. Дестабилизация психического здоровья аудитории (а следовательно, и всей нации), находящейся у радиоприемников и телевизоров, происходит в режиме повального увлечения мистикой, апокалиптическими прогнозами и атмосферой страха как доминирующей темы во многих журналистских материалах.

В силу своих имманентных коммуникативных особенностей радио еще как-то противостоит таким тенденциям. Из психологии восприятия известно: эмоцию страха, боязнь, вызывает у индивидуума то, что выглядит странным

Табл. 1

Характер события	Дата выборки		
	17 октября 2002 г. в эфире 6 каналов федерального вещания (Первый, «Россия», НТВ, ТВС, REN-TV, ТВ-3)	12 сентября 2007 г. в эфире 6 каналов федерального вещания (Первый, «Россия», НТВ, Пятый канал, РЕН ТВ, ТВ-3)	12 декабря 2007 г. в эфире 6 каналов федерального вещания (Первый, «Россия», НТВ, Пятый канал, РЕН ТВ, ТВ-3)
Драки	160	197	183
Убийства	202	257	249
Ограбления	6	19	25
Половые акты	10	7	8
Сцены распития спиртных напитков	66	53	51
Факты нецензурной брани	39	67	59
Негативные новости	302	297	283

и непонятным. Во всяком случае, то необъяснимое на первый взгляд, что не может быть определено в категориях разума и интеллектуального восприятия действительности.

Подобное обстоятельство и предопределило наличие иррационального тренда как одной из экранных доминант нынешнего отечественного телевидения. Этим объясняется и чрезмерное использование «струны ужаса» в современном телеэфире. Очевидно, что наиболее продуктивной социальной сферой, отражающей подобные аудиторные ожидания, является криминальная деятельность, которая стала одним из основных источников эфирной информации, привычным содержанием многих телепередач. В данном тематическом эфирном сегменте лидирует канал НТВ. Его «тематическим партнером» выступает сетевой канал ТНТ. Проблема, однако, заключается не только в том, что подобные вещатели задают определенную эфирную моду на «отрицательное телевидение» остальным субъектам электронной медиатеатральности. Они же формируют и соответствующие эмоциональные и интеллектуальные зрелищные ожидания аудитории.

Из табл. 1, отражающей выборочный контент-анализ шести основных федеральных телеканалов, мы можем сделать вполне определенный вывод о некоторой количественной динамике изменений структурно-содержательных тематических единиц эфира. Стоит обратить внимание, как меняется картина не только при хронологическом шаге в пять лет, но и при шаге в три месяца.

Очевидно, что количество событий, воспринимаемых аудиторией негативно, в отечественном эфирном контенте явно превышает допустимые нормы восприятия подобной реальности человеческой психикой. На рубеже прошлого и нынешнего веков зарубежные исследователи Дженнингз Брайнт и Сюзан Томпсон справедливо утверждали (а затем и доказали), что «потребление телепродукции в больших объемах может привести зрителя к убеждению, что в мире гораздо больше насилия, чем есть на самом деле» [1, с. 121]. Здесь будет

уместным говорить о создании определенного культа насилия и провокации отрицательных эмоций, имплицитно существующих в практике творцов российского телевидения. А оно, в свою очередь, является лишь отражением тех процессов, которые происходят в мировом электронном экранном вещании.

Более сорока лет назад американский социолог Джордж Гербнер начал исследования эффекта культивации, вызываемого в сознании аудитории сформированными телевидением образами семьи, гендерными и возрастными стереотипами. Анализ той экранной продукции, которая предлагалась американскому зрителю, и привел к появлению гипотезы культивации. Суть ее заключается в следующем: чем больше времени зритель проводит перед телевизором, тем более его восприятие мира приближается к образу той реальности, который он видит на экране.

На уровне эмоциональной эмпирики данный научный вывод можно сформулировать в виде парадокса: «каково телевидение, таково и жизнь». Хотя здравая логика опирается на зеркальное отражение приведенного постулата, выраженное во фразе «какова жизнь, таково и телевидение». Многие в проблеме адекватности восприятия эфирного продукта зависят от первоначальной установки деятелей СМИ.

Здесь можно говорить не только об аудиторных ожиданиях, но и о профессионально ориентированном восприятии реальных событий журналистом, интуитивно откликающимся на то, что ждет от него публика. Последняя явно надеется получить яркие, острые и незабываемые ощущения по принципу: «Правду! Ничего, кроме правды!». Журналист откликается на такую аудиторную установку, играя роль с вполне предсказуемым набором медийных масок: «ниспровергатель основ», «разоблачитель», «честный и неподкупный борец за справедливость» и т. п. Классический пример подобного ролевого вживания в профессию – судьба Александра Невзорова, не имевшего не только журналистского образования, но и высшего образования вообще.

Фильтром для некритической трансляции негативной информации через СМИ с включением «человеческого фактора» в лице журналистов как раз может и должен стать разум, интеллект аудитории. В уже упоминавшихся исследованиях Гербнера было доказано, что интенсивность эффекта культивации определяется образованностью зрителей. Чем выше уровень образования зрителя, тем менее его сознание подвержено воздействию того негативного образа реальности, которое формируется телевидением. В американских исследованиях подобной проблематики был даже изобретен и введен в научный обиход «коэффициент враждебности мира».

Там, где знания и анализ оказываются не востребуемыми ни журналистами, ни аудиторией, и возникает почти пассионарная тяга к наглядной демонстрации всего набора криминальных деяний и их последствий: убийств, трупов, изнасилований, ДТП и их жертв, попыток суицида и прочих «прелестей» ненормальной, «черной» стороны жизни. Создается устойчивое впечатление, что журналисты только того и ждут, чтобы где-нибудь «объявился» насильник. Достаточно вспомнить, как в течение последних двух лет одним из доминирующих информационных трендов в практике отечественных СМИ стали репортажи и сюжеты о пропажах по всей стране детей. Естественно, что

вслед за бульварными изданиями тему подхватили многие телевизионные программы. Однако тренд достаточно быстро сошел на «нет», ибо экстраполировать и интегрировать каждую из непохожих друг на друга историй в общую историю про маньяков не получилось.

Подсознательный страх аудитории за будущее детей не персонифицировался в личность конкретного индивидуума, а потому восприятие информации ни по количественным показателям, ни по качественным не трансформировалось в коллективную фобию. Однако летом 2007 года ситуация кардинальным образом изменилась. СМИ получили от правоохранительных органов настоящий «новостной подарок»: по подозрению в совершении серии жутких преступлений был задержан Александр Пичушкин. Журналисты сразу же окрестили его «битцевским маньяком» (по месту совершения преступлений в одном из районов Москвы). Но возможность транспонирования этого дела в сенсацию первого ряда в августе 2007 года перекрыла иная «новость № 1» – железнодорожное крушение «Невского экспресса». Далее стартовал активный политический сезон. Дело Пичужкина было доведено до суда, не вызвав на этапе следствия и слушания повышенного интереса прессы.

Когда суд вынес жесткий и справедливый приговор (пожизненное заключение с принудительным психиатрическим лечением и надзором), российские СМИ вновь «воспылали информационной любовью» к маньяку, лишившему жизни 48 человек. «Битцевский маньяк», почувствовав, внимание прессы, говоря профессиональным слэнгом, «раскололся», начав давать интервью. В одном из них и прозвучала фраза о том, что «он продолжал миссию Чикатило и хотел превзойти одного из самых кровавых серийных убийц XX века по числу жертв». В данной ситуации матрица девиантного криминально-сексуального поведения одного преступника органично вобрала в себя личность другого. Для человека с патологическими наклонностями к садизму чрезмерная эксплуатация со стороны СМИ «дела Чикатило», продолжающаяся в мире не первый год, дала свои результаты некоторое время спустя.

Когда Чикатило был арестован, а затем приговорен к высшей мере наказания, то отечественные СМИ, сыграв на либерализации цензурного режима, достаточно эффектно создали миф о серийном маньяке, не скупясь на детали и подробности. Показательно и то, что был поставлен голливудский триллер на этот сюжет. Мощностное подобное воздействие на аудиторию усиливалось наглядностью иллюстраций с мест многочисленных преступлений маньяка.

Чикатило стал в определенной степени персонажем-брендом, знаком эпохи позднего СССР. Московский «нюсмейкер на крови» не мог не оказаться в поле влияния доминирующего мифа о маньяке, который, очевидно, является фобиеобразующим в массовом сознании в современном социально-психологическом состоянии общества. СМИ (телевидение, прежде всего) ему в этом, безусловно, «помогли». Во-первых, потому что маньяк и не скрывал того, что за образцы преступлений брал те ситуации, которые видел в многочисленных американских триллерах про убийц-душегубов, показанных по телевидению. Во-вторых, вряд ли стоит отрицать, что именно чрезмерная демонстрация насилия на телеэкране и порождает у части публики тотальное ощущение страха, а другой – чувство того, что «все позволено».

За чрезмерным увлечением «срыванием всех и всяческих масок» во второй половине 80-х годов XX в. последовал определенный тематический резонанс на современном отечественном медиаполе. Апологетика несоблюдения законов (сначала – юридических, потом – нравственных) привела к укоренению в сознании некоторой части общества мысли о том, что именно преступный путь – прямая дорога к славе. И если индивидуум не в силах пробиться к ней трудом и талантом, то ему остается только одна тропинка, усеянная чужими трупами и жизнями. В том случае, если внешние обстоятельства жизни индивидуума резонируют с его ограниченными умственными способностями, то конструкция личности данного индивидуума фактически predetermined. Случай Пичушкина демонстрирует очевидное: он нашел запредельный и бесчеловечный способ избавления от собственных фобий и комплексов, прежде всего, комплекса неполноценности. Но это никак не может служить оправданием тех преступлений, которые совершил убийца и насильник.

История «битцевского маньяка» обрела все признаки информационного тренда именно после оглашения приговора. На большинстве информационных интернет-порталов были размещены подробности расследования его преступлений, а на телеэкране Александр Пичушкин стал персоной номер один. Канал НТВ посвятил ему очередной выпуск «Чистосердечного признания», на канале ТВЦ его поступки горячо и заинтересованно обсуждали в ток-шоу Киры Прошутинской «Народ хочет знать», а Первый канал в документальном очерке реконструировал картину преступлений. Чуть позже вновь «обрадовал» зрителей канал НТВ, когда в эфире одной из программ был показан очерк о матери Пичушкина. В обстановке подобного повышенного и устойчивого внимания СМИ к преступлениям «битцевского» зверствующего субъекта и его личности прямым следствием становятся зарождение и развитие в массовом сознании устойчивой фобии, дискурсивно связанной с криминально-сексуальной проблематикой.

В американском фильме Джонатана Дэмме «Молчание ягнят» один маньяк помогал вычислить и найти другого. В российской реальности маньяк фактически породил целый мифологический тренд массового сознания, обратившийся в массовую фобию, которая стала в некоторой степени и продуктом журналистской деятельности, и подсознательной боязни общества непредсказуемости поведения его членов. Подобную тенденцию исследователь массового сознания В.А. Шкуратов обозначил как переход «от общества безопасности к обществу риска» [2, с. 166–176].

Интеллект отдельного человека может стать в такой социопсихологической ситуации именно тем стабилизирующим фактором, который может противостоять фобиям, внушаемым содержанием иных СМИ с их возможностью суггестивного влияния. Однако рассчитывать на то, что сумма интеллектов отдельных индивидуумов обеспечит переход массового зрительского сознания в иное качество, было бы наивно. Такие исследователи, как Хосе Ортега-и-Гассет и Гюстав Лебон, вполне доказательно продемонстрировали, что синергетический эффект воздействия толпы и массы на психику отдельного человека крайне трудно заблокировать с помощью доводов разума и логики в определенных ситуациях.

Наглядным примером стал новый информационный тренд, который возник в российских СМИ в начале 2008 года. Общественное мнение было возбуждено

делом Александра Кузнецова, который, защищая своего сына от насилия, лично расправился с покушавшимся, забив его насмерть.

Вспыхнувшая дискуссия поставила на повестку дня вопрос о возможности противостояния сексуальному насилию, не прибегая ни к помощи правоохранительных органов, ни к правосудию. В массовом сознании, таким образом, материализовалась и персонифицировалась та самая фобия, которая ранее активно формировалась медиа (другой вопрос – намеренно или непроизвольно) и имела конкретный объект в виде мифологизированной фигуры маньяка. Можно сказать, что испуганное общество обрело один из возможных вариантов противостояния собственному страху – эмоционально-силовой.

СМИ старались сохранить отчужденно-объективную манеру в рассказе обо всех обстоятельствах трагического инцидента, который произошел в новогоднюю ночь в Петербурге, однако в подтексте явно угадывалось сочувствие к личности Александра Кузнецова. При этом с точки зрения юриспруденции обстоятельства его самосуда остаются непроясненными. Последнее обстоятельство и дало широкий диапазон для оценок его поступка. Нас в этой коллизии интересует именно роль медиа (особенно, телевидения), которые настойчиво возвращают аудиторию к обсуждению ситуации, в котором были подняты многие социально-психологические проблемы нашего общества. Это явно расширило круг обсуждаемых тем, позволяя возникшему тренду оставаться в центре внимания, а людям – искать эмоциональную опору в наглядном примере того, как поступил в ситуации противостояния возможному насилию конкретный человек. К трем «пушкинским эмоциям» в подобной ситуации можно добавить еще две – гнев и чувство справедливости.

Реальность невольно дала ответ на вопрос о том, как можно противостоять конкретным фобиям, внушаемым аудитории разными СМИ. Они стремились к взвешенной и рациональной оценке ситуации, что не позволило в итоге перерасти эмоциям сочувствия в истероидный массовидный психоз по модели «вот он – герой наших дней!». Показательно, однако, что канал НТВ устроил в эфире прямой телемост, с помощью которого смогли пообщаться Виталий Калоев и Александр Кузнецов. Рифмовка судеб двух реальных людей выглядела, скорее, виртуально, чем реально. Однако в данном случае стал очевиден тот самый эффект культивации, о котором писал Джордж Гербер. Узнать, что в РЕАЛЬНОСТИ произошло в случае Александра Кузнецова также трудно, как решить вопрос о степени его вины. Обо всем мы судим, исходя из собственной оценки того, что видим на телеэкране.

Отметим, тем не менее, что исключительность возникшей правовой и нравственных коллизий срезонировала с общими депрессивными настроениями в обществе. Парадоксальным образом культ насилия и попрания всех норм морали и права, возвращенный, прежде всего, телевидением, трансформировался в культ «Добра с кулаками», которое вынуждено защищать себя от Зла. На сотворение мифа о маньяке, выросшего из фобий отдельных индивидуумов и аудитории, общественное сознание «ответило» с помощью тех же медиа возможностью сотворения мифа о герое, способном защитить от маньяка. Результат подобного противостояния, отраженный в практике отечественных СМИ, их аудитория увидит в самое ближайшее время.

Summary

S.N. Ilchenko. Phobias in Modern TV: New Reality.

The article regards the problem of negative impact of broadcasting content on Russian television upon its viewers. Specifics of negative events coverage in various programs is assumed to reflect the phobias immanent to the viewers' conscience. Main informational trends connected with events of criminal-sexual character that occurred in Russian reality are researched. Conclusion is made about dialectic interrelation of viewers' phobias with screen reality, which, in its turn, testifies to the transformation of modern Russian society from "security society" to "risk society".

Key words: TV-broadcasting, content, phobias, reality, negative events.

Литература

1. *Дженингз Б., Томпсон С.* Основы воздействия СМИ / Пер. с англ. – М.: Вильямс, 2004. – 432 с.
2. *Шкуратов В.А.* Искусство экономной смерти: Сотворение видемира. – Ростов н/Д: Наррадигма, 2006. – 400 с.

Поступила в редакцию
21.05.09

Ильченко Сергей Николаевич – кандидат искусствоведения, заведующий кафедрой радио и телевидения Санкт-Петербургского государственного университета.

E-mail: tv_and_radio@mail.ru